

Т. А. ФЕДЯЕВА

Витгенштейн и Россия

<Фрагменты>

Людвиг Витгенштейн и русская литература

В 1913 г. молодой австрийский ученый-логик Людвиг Витгенштейн в письме к своему учителю Бертрану Расселу воскликнул: «Как я могу быть логиком, если я еще не стал человеком! Прежде всего мне нужно разобраться в самом себе!»¹. Это признание носит ключевой характер. Мысль о неразрывной связи личности и учения, об ответственности личности за воспроизводимые ею идеи была одной из центральных на рубеже веков. Восприятие жизни как этико-эстетического единства определяло воззрения великих русских и австрийских писателей, которые в разное время оказали влияние на мировоззрение Витгенштейна. Это, прежде всего, австрийский сатирик Карл Краус (1874–1936), а также Толстой и Достоевский. Принципы, которые они декларировали в своем литературном и философском творчестве, были одновременно основой их жизни.

Именно желание стать человеком, желание понять жизнь и соединить ее со своими идеями побудило Витгенштейна пойти в 1914 г. добровольцем на войну. Сестра Витгенштейна Термина, объясняя мотивы этого поступка, пишет: «Речь шла не столько о том, чтобы защищать родину, сколько о сильном желании взвалить на себя тяжелую ношу и заняться чем-то другим, чем чисто умственная работа»².

Витгенштейн попал на русский фронт и служил близ Львова. Там уже в сентябре 1914 г. шли тяжелые бои, и Витгенштейн рефреном повторяет в своих «Тайных дневниках» одну и ту же фразу: «Русские наступают нам на пятки»³. Отчаяние и ужас,

¹ *Wittgenstein L. Briefe.* Frankfurt am Main, 1980. S. 47.

² *Rhees R. Porträts und Gespräche.* Frankfurt am Main, 1987. S. 258.

³ *Wittgenstein L. Geheime Tagebücher.* 1914–1916. Wien, 1991. S. 21.

которые испытал молодой интеллектуал, эстет, знавший толк в роскоши и комфорте, от столкновения с далеко не романтической военной действительностью, были столь велики, что, по свидетельству Рассела, Витгенштейн был уверен, что «погибнет в России»⁴. Судьбе было угодно, чтобы в этот самый тяжелый, начальный период службы он нашел спасение в книге русского писателя. Ему случайно попало в руки немецкое издание «Краткого изложения Евангелия» Толстого. С тех пор он не расстаётся с этой книгой, называет ее своим «талисманом», а солдаты зовут его не иначе, как «этот с Евангелием». В одном из писем Витгенштейн признается, что эта книга «сохранила ему жизнь»⁵.

С 1914 г. русская литература оказывает сильнейшее воздействие на философию и мировосприятие Витгенштейна. Он интенсивно читает произведения Толстого и Достоевского — «Народные рассказы», «Братьев Карамазовых», «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание». С этого времени его идеи развиваются в контексте диалога двух великих европейских культур — австрийской и русской. Философия Витгенштейна возникла во многом как результат этого диалога, как продукт творческой переработки наследия великих писателей, творивших на грани философии и литературы.

До войны главным кумиром Витгенштейна был выдающийся австрийский сатирик и общественный деятель Карл Краус. К. Чапек в статье «Карл Краус как учитель» дал исчерпывающе точную характеристику творчества Крауса, который на протяжении нескольких десятилетий издавал знаменитый журнал «Факел» (1899–1936) — оплот контр-культуры и критики «языковых фасадов» габсбургской империи: «Прошедший школу красных тетрадок “Факела” заканчивал, так сказать, школу моральной филологии: умел распознавать фальшь не только в мыслях, но и в словах, умел видеть в пустых фразах коррупцию духа и языка, понимал, что значит революция в языке, который подчинил себе человека и показал его зависимость от инстинктов, а процесс мышления заменил механическим употреблением словесных штампов»⁶. К. Чапек точно определил смысл великой австрийской утопии XX в. — изменение сознания, а значит, и всей жизни через революцию в языке.

⁴ Wittgenstein L. Briefe. Frankfurt am Main, 1980. S. 72.

⁵ Ibid. S. 72–73.

⁶ Чапек К. К. Kraus als Lehrmeister. In: Dem Andenken an K. Kraus. Wien, 1967. S. 7.

Витгенштейн был страстным читателем «Факела». В семейной библиотеке Витгенштейнов хранился полный комплект номеров этого журнала. Он глубоко проникся краусовскими идеями «критики языка», суть которых состояла в изменении мышления посредством нового отношения к языку⁷. Эти типично австрийские представления о языке как главном средстве преобразования человека Витгенштейн связал с экзистенциальными и религиозными идеями русской литературы.

Толстой и Достоевский играли значительную роль в духовной жизни Европы на рубеже столетий, их произведения входили в круг обязательного чтения европейских интеллектуалов и семья Витгенштейнов не была в этом смысле исключением. Биограф Витгенштейна Мак Гиннес в книге «Ранние годы Витгенштейна» (1988) пишет, что «поверять жизнь литературой»⁸, проводить аналогии с литературными героями было семейной традицией Витгенштейнов.

Основные идеи Толстого и Достоевского были широко известны в Европе. Еще до того, как толстовское «Евангелие» попало ему в руки, Витгенштейн в «Тайных дневниках» ссылается на них, не упоминая имен Толстого и Достоевского. В его записях угадываются широко распространенные словесные формулировки идей русских классиков. Оказавшись в непривычной для него солдатской среде, Витгенштейн учится понимать людей, своих сослуживцев. 21.8.1914 он записывает: «Когда мы слышим китайца, то склонны воспринимать его речь как нечто нечленораздельное. Тот, кто понимает по-китайски, распознает в этом язык. Так, часто я не могу распознать человека в человеке»⁹ Здесь Витгенштейн цитирует, может быть, даже не совсем осознанно, один из главных тезисов Достоевского — «найти человека в человеке», обращаясь при этом к главному для австрийцев средству разгадывания тайн человеческой души — языку.

Спустя несколько дней, 26 августа 1914 г., размышляя о способах сопротивления грубой солдатской среде, он вспоминает о самой, пожалуй, известной мысли Толстого — непротивлении злу насилем: «Вчера решил не оказывать никакого сопротивления, отнестись к внешней жизни легко, чтобы сохранить свой

⁷ См. об этом подробнее: *Федяева Т. А.* Людвиг Витгенштейн и Карл Краус. // Вопросы философии. Материалы международного симпозиума. Москва, октябрь 1997 года. № 5. 1998. С. 106–112.

⁸ *McGuinness B.* Wittgensteins frühe Jahre. Frankfurt am Main, 1988. S. 430.

⁹ *Wittgenstein L.* Geheime Tagebücher. 1914–1916. Wien, 1991. S. 18.

внутренний мир»¹⁰. Идея Достоевского, которая была направлена на познание «другого», и толстовский тезис, исходивший из мысли о личном нравственном совершенствовании, в разные периоды жизни Витгенштейна играли различную роль, но всегда диалогически дополняли друг друга.

Обращение Витгенштейна к духовному наследию русской литературы в тяжелейший период его жизни не было случайным. Она дала ему ответы на самые сложные вопросы человеческого бытия. Интерес Витгенштейна к русской литературе был обусловлен, как представляется, в первую очередь ее религиозным характером. Об осознании этого факта в Европе говорит утверждение знаменитого немецкого философа М. Шелера (1874–1928). Он отмечает в качестве главной особенности русской литературы ее христианскую направленность: «Уже до войны великая русская литература (Достоевский, Толстой и др.) была почти единственной в Европе истинно христианской литературой»¹¹.

В «Тайных дневниках», куда Витгенштейн заносил свои самые сокровенные мысли, мы наблюдаем процесс рождения веры. После войны Витгенштейн рассказывал писателю Параку, что, пройдя через невероятные страдания, через опыт познания смерти, он, как Раскольников из «Преступления и наказания», ощутил себя «вновь родившимся»¹², родившимся для веры. Русская литература сыграла, таким образом, роль эстетического посредника, подготовившего Витгенштейна к вере. Думается, что он нашел в ней свободное, лишённое догматизма ощущение Бога, понимание «христианства как религии свободы и творчества, а не как авторитета и традиции»¹³.

Толстой в сочинении «Что такое искусство» писал, что задача культуры — «вводить в сознание людей те истины, которые вытекают из религиозного сознания нашего времени»¹⁴. Многие австрийские в своей основе идеи «критики языка» знаменитого «Логико-философского трактата», над текстом которого Витгенштейн работал во время войны, испытали мощное влияние религиозных представлений Толстого и Достоевского, и в этом смысле Витгенштейн является наследником обеих культур.

¹⁰ Ibid. S. 19.

¹¹ Scheler M. Voin Ewigen im Menschen. Bern und Munchen, 1968. S. 436.

¹² Siehe darüber: McGuinness B. Wittgensteins frühe Jahre. Frankfurt am Main, 1988. S. 422.

¹³ Бердяев Н. Самопознание. М., 1991. С. 263.

¹⁴ Толстой Л. Собрание сочинений в 22 томах. М., 1983. Т. 15. С. 210.

Религиозность Витгенштейна в отличие от религиозности Толстого и Достоевского носила скрытый характер. В соответствии с главными тезисами его философии, согласно которым все высшие смыслы относятся к сфере молчания, она нигде не проявлялась открыто, но именно религиозные идеи, как представляется, явились смысловым центром той главной, «ненаписанной» части «Трактата», о которой Витгенштейн сообщал в своем широко известном письме к издателю инсбрукского журнала «Бреннер» Людвигу фон Фикеру: «Мое произведение состоит из двух частей: написанной и ненаписанной. Эта вторая часть как раз является самой главной [...] Короче говоря, я полагаю, что обо всем том, о чем сегодня многие только болтают, я написал в своей книге, обойдя это молчанием»¹⁵. Анализ отношения Витгенштейна к наследию русской литературы предоставляет, в том числе, и возможность постижения «ненаписанной» части «Логико-философского трактата».

Через два дня после того, как Витгенштейн начал читать толстовское «Изложение Евангелия», он записывает в «Тайных дневниках»: «Читал Толстого с большой пользой»¹⁶. И спустя несколько дней констатирует: «Я на пути к большому открытию»¹⁷. После знакомства с толстовским сочинением представления Витгенштейна о становлении человека неразрывно связаны с мыслями о Боге. В 1916 г. он делает знаменательное признание: «Я червь, но через Бога стану человеком»¹⁸. Следуя призыву Толстого, он ищет Бога в себе, а Бог, по Толстому, есть Дух: «Этот-то Дух бесконечный и есть то, что мы называем Богом»¹⁹. Бог и Дух становятся для Витгенштейна синонимами. Как заклинание повторяет он в «Тайных дневниках» одну и ту же толстовскую фразу: «Человек бессилен во плоти и свободен Духом»²⁰.

Человек, стремящийся жить жизнью Духа, должен, по Толстому, «отречься от ложной жизни плоти»²¹. «Тайные дневники» Витгенштейна свидетельствуют, что он рассматривал свое пребывание на фронте как непрекращающийся процесс заклания плоти во имя Духа. В 1914 г. он пишет: «Как трудно на голодный

¹⁵ Wittgenstein L. Briefe. Frankfurt am Main, 1980. S. 96–97.

¹⁶ Wittgenstein L. Geheime Tagebücher. 1914–1916. Wien, 1991. S. 20.

¹⁷ Ibid. S. 20.

¹⁸ Ibid. S. 70.

¹⁹ Толстой Л. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 24. С. 832.

²⁰ Wittgenstein L. Geheime Tagebücher. 1914–1916. Wien, 1991. S. 21, 22.

²¹ Толстой Л. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 24. С. 860.

желудок и не выспавшись служить Духу! Но кем я буду, если не осилю этого!»²² По завету Толстого, Витгенштейн стремится подняться над жизнью и миром, потому что, согласно толстовской идее, «мир житейский есть обман»²³ и Бог не обнаруживается в мире. Один из тезисов «Логико-философского трактата» гласит: «Бог не проявляется в мире <...>. Смысл мира лежит вне мира»²⁴. Следуя идеям Толстого, Витгенштейн воспринимает себя как человека, не принадлежащего миру. В 1916 г. он констатирует: «Тяжело отказаться от жизни, если однажды любил ее, а ведь это грех, неразумная жизнь, ложное понимание жизни. Иногда я становлюсь зверем. Тогда я не могу думать ни о чем, кроме еды, питья, сна. Ужасно! Тогда я страдаю, как животное, и внутреннее спасение невозможно. Тогда невозможно думать об истинной жизни»²⁵. Здесь Витгенштейн, пользуясь терминологией Толстого, описывает, собственно говоря, не что иное, как муки монашеского становления.

Воспевая Дух и разум, Толстой отказывал человеку в праве на чувства и чувственную жизнь и, в конечном счете, на индивидуальность. Он считал, что личностное начало должно проявиться в полном отказе от личной воли и желаний: «Люди представляют себя отдельными существами каждого со своей волей к жизни, а это только обман [...] Исполнение личной воли приводит к смерти, исполнение воли Отца дает жизнь истинную»²⁶.

Витгенштейн в «Трактате» также обращается к надиндивидуальным свойствам человека, вырывая человека из обезбоженного мира. Человек, или, по терминологии Витгенштейна, «субъект», не принадлежит миру: «Это не человек, не человеческое тело или человеческая душа, с которой имеет дело психология, но метафизический субъект — граница, а не часть мира»²⁷. И Толстой, и Витгенштейн в поисках Бога в человеке обращаются прежде всего к его метафизической сущности. Толстой констатирует: «Для жизни истинной... нет ни места, ни времени. Нельзя себе представить жизнь истинную во времени и лицах. Те, кто пробу-

²² Wittgenstein L. Geheime Tagebücher. 1914–1916. Wien 1991. S. 23.

²³ Толстой Л. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 24. С. 938.

²⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994. С. 70–71.

²⁵ Wittgenstein L. Geheime Tagebücher. 1914–1916. Wien, 1991. S. 74.

²⁶ Толстой Л. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 24. С. 917.

²⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994. С. 57.

дились к жизни истинной, живут по воле Отца, а для воли Отца нет ни времени, ни места»²⁸. В «Трактате» мы читаем: «Решение загадки жизни во времени и пространстве лежит вне времени и пространства»²⁹.

Опираясь на религиозные идеи Толстого, Витгенштейн стремится обрести внутреннюю свободу, внутренний покой, построить «храм Божий» внутри себя. Следуя призыву Толстого искать Бога в себе, который можно рассматривать как религиозный вариант общей для европейского модерна идеи «погружения в себя», «пути внутрь», Витгенштейн противопоставляет себя миру, в котором Бог, по утверждению Толстого, никак не проявляется. Дуалистические идеи Толстого трансформировались в «Трактате» в тезисы, согласно которым личность является не частью мира, а лишь его границей, а границы «моего» языка «означают границы моего мира»³⁰. Они, в сущности, отражают характерные для модерна представления о полярности духа и жизни, культуры и жизни, о непреодолимости барьеров между «я» и «ты», о недоступности для познания другой личности, а также свойственный венскому модерну языковой скептицизм, допускающий существование «частного», по выражению Витгенштейна, языка, понятного лишь его носителю. Языковой скептицизм «Трактата» выражался и в том, что Витгенштейн отказывал языку в способности выражать высшие смыслы. Вместе с тем Витгенштейн отчасти преодолевает скептицизм, считая, что этика может быть высказана косвенным образом — через эстетический образ или «показана» через поступки в жизни.

После войны Витгенштейн, следуя заветам Толстого, строит свою жизнь как пример этической, истинной жизни. Ради достижения внутренней, духовной свободы Витгенштейн освобождается от пут мира. Внутренняя логика его экстравагантных поступков становится понятнее, если обратиться к идеям Толстого относительно способов достижения истинной жизни. Как известно, истинная жизнь, по Толстому, это не эгоистическая жизнь и во внешней действительности она проявляется не в выработке учений, а в добрых делах.

Витгенштейновская теория показа, изложенная в «Трактате», согласно которой этическое не может быть сказано, а может быть

²⁸ Толстой Л. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 24. С. 896.

²⁹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994. С. 71.

³⁰ Там же. С. 56.

только показано, тесно перекликается с этими толстовскими тезисами. То, о чем Витгенштейн умолчал в «Трактате», он осуществил в рамках своей жизни, когда строил ее как пример истинной, не эгоистической жизни. Как и многие русские писатели, которые, по словам Н. Бердяева, «стремились выйти за пределы искусства и перейти от творчества совершенных произведений искусства к творчеству совершенной жизни»³¹, Витгенштейн перешагивает границы философии, осуществляя свои философские идеи в жизни.

Принципы истинной жизни Толстой описал не только в «Кратком изложении Евангелия». Более развернуто он изложил эти вопросы в работе «Христианское учение» (1898). Немецкое издание этого сочинения появилось в берлинском издательстве Штайниц в этом же году. Можно с большой долей уверенности предположить, что Витгенштейн, который активно изучал философские работы Толстого, читал и это сочинение. Сопоставление биографии Витгенштейна с постулатами «Христианского учения» Толстого представляется достаточно плодотворным и может существенно дополнить уже существующие интерпретации жизни австрийского философа.

В «Христианском учении» Толстой перечисляет грехи и соблазны, препятствующие достижению истинной жизни. Главное препятствие заключается, по Толстому, в теле человека, в «стремлении к благу своего отдельного существа»³², в грехе собственности, так как «нельзя служить богатству и Богу одновременно»³³. Вернувшись с войны, Витгенштейн, по словам его сестры Термины, совершил «финансовое самоубийство», отказавшись от своей доли наследства. Одним из важнейших грехов Толстой считал «грех похоти». Чтобы не впасть в него, Толстой призывает отказаться от «соблазна семейного», то есть не отдаваться любви к членам своей семьи, чтобы не жертвовать любовью к Богу из-за любви семейной. Витгенштейн никогда не будет иметь своей семьи, более того, по возвращении с войны он оставил семью отца, покинул роскошные апартаменты Витгенштейнов и снял небольшую комнату в Вене. Далее Толстой призывает избегать «греха властолюбия», то есть борьбы за свое благо, направленной против других людей. Витгенштейн отказался от карьеры акаде-

³¹ Бердяев Н. Самопознание. М., 1991. С. 216.

³² Толстой Л. Христианское учение // Толстой Л. Избранные произведения. М., 1992. С. 60.

³³ Толстой Л. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 24. С. 863.

мического ученого и уехал в глухую деревню в Нижней Австрии, где работал сельским учителем на протяжении нескольких лет. Одно из возможных объяснений этого выбора дает «Краткое изложение Евангелия» Толстого. Толстой пишет: «Чтобы понять учение Иисуса, надо понять жизнь детей и быть такими же, как они»³⁴. В деревне Витгенштейн по примеру толстовской «Азбуки» (1879) создает «Словарь для народных школ» (1926).

Чтобы сохранить внутреннюю свободу, Толстой советует остерегаться «соблазна товарищества», когда верность друзьям подчас ставится выше требований совести. Витгенштейн значительно ослабляет узы, связывавшие его с академической средой Вены и Кембриджа. В дальнейшем он ни с кем не завязывает близких дружеских отношений.

Толстой в «Христианском учении» призывает отказаться от посредничества церкви между человеком и Богом, так как, по убеждению Толстого, «закон Бога надо искать в своем сердце»³⁵. Часто цитируемые слова Витгенштейна «я евангелист, хотя и не христианин»³⁶ также вполне соответствуют этому тезису Толстого. Будучи человеком, наделенным глубоким религиозным чувством, Витгенштейн никогда не посещал церковь. В 1930-е гг. он в письмах исповедовался своим друзьям, так как внутренний процесс осознания своих грехов, запущенный учением Толстого, никогда не прекращался в сознании Витгенштейна.

Оставаясь в жизни наиболее радикальным последователем Толстого, Витгенштейн тем не менее ощущал недостаточность, односторонность его учения. Рассел в одном из писем заметил, что Витгенштейн ценил Достоевского как мыслителя выше, чем Толстого³⁷. Безусловно, это касается прежде всего религиозных воззрений писателя. Мак Гиннес в книге «Ранние годы Витгенштейна» приводит многочисленные свидетельства того, что Витгенштейн идентифицировал себя с теми героями Достоевского, которые пришли к Богу через глубокие личные страдания. Достоевский верил, что в человеке несмотря ни на что всегда сохраняется способность к моральному возрождению и развитию. Эта идея была лейтмотивом почти всех его произведений, особенно «Записок из Мертвого дома». Витгенштейн очень ценил эту

³⁴ Там же. С. 894.

³⁵ Толстой Л. Христианское учение // Толстой Л. Избранные произведения. М., 1992. С. 86.

³⁶ Бартли У. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 209.

³⁷ Wittgenstein L. Briefe. Frankfurt am Main, 1980. S. 101.

книгу и неоднократно ее перечитывал. В 1916 г. он записывает в «Тайных дневниках»: «Стремись понять людей! Всякий раз, когда возникает желание их ненавидеть, пытайся вместо этого понять их»³⁸. Это устремление Витгенштейна, идущее из времен активного чтения «Братьев Карамазовых» и «Записок из Мертвого дома», наиболее созвучно экзистенциально-религиозным идеям Достоевского. Их смысл точно передал Н. Бердяев, который писал, имея в виду русскую философию в целом, что «вера в человека, в человечность есть вера в Бога и она не требует иллюзий относительно человека»³⁹. Тезис Достоевского о необходимости «найти человека в человеке» нужно трактовать, собственно, как необходимость «найти Бога в человеке». Именно поиски в обычном, среднем человеке облика и подобия Божия, как представляется, позволили Витгенштейну в 1930-е гг. совершить прорыв к «человеку в человеке» и явились «русской» основой для многих философских идей второго периода его творчества. Мысль Достоевского о том, что божественное начало не исключено из жизни, что Бог, вопреки утверждениям Толстого, проявляется в мире, стала основой полемики Витгенштейна с Толстым. Эта полемика будет длиться десятилетиями. Так, в заметках от 1937 г. Витгенштейн запишет: «Но вера — это то, в чем нуждается мое сердце, моя душа, а не мой рассуждающий рассудок. Ведь спастись должна моя душа с ее страстями, с ее плотью и кровью, а не мой абстрактный дух»⁴⁰.

В 1916 г. Витгенштейн берет на фронт среди немногих вещей «Братьев Карамазовых». Термина вспоминает, что Витгенштейн хотел быть, подобно Алеше Карамазову, «иноком в миру». Именно в образе Алеши, который тесно связан с детской темой в романе, Достоевский воплощает свои социально-утопические идеалы и надежды, что, видимо, также нашло отклик в сознании Витгенштейна, когда он решил стать сельским учителем.

Формула Достоевского «инок в миру», являясь выражением русских представлений о высшей ступени истинно христианского существования, в то же время наиболее точно передает смысл принципов жизни, избранных Витгенштейном в период между двумя войнами. Витгенштейн действительно живет как монах в миру, но на толстовский манер. Как и герои Достоевского, он стремится в своей жизни «мысль разрешить» и делает идеей своего существования имперсоналистическое учение Толстого,

³⁸ Wittgenstein L. Geheime Tagebücher. 1914–1916. Wie, 1991. S. 70.

³⁹ Бердяев Н. Самопознание. М., 1991. С. 216.

⁴⁰ Wittgenstein L. Vermischte Bemerkungen. Frankfurt am Main, 1987. S. 69.

которое становится парадоксальным образом основой индивидуальности Витгенштейна. Он твердо следует в жизни толстовским принципам и страдает от этого. Одна из глав книги воспоминаний о Витгенштейне «Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель» называлась «Свобода Витгенштейна». Ее автор — русская эмигрантка Фанни Паскаль пишет, что Витгенштейн не находил себе места в этом времени, он был одержим идеей стать совершенным человеком и жил только в соответствии со своими представлениями о жизни. Ф. Паскаль констатирует: «Он стал свободнейшим из людей» и тут же называет его «трагической фигурой»⁴¹.

В 1920-е гг., в пору работы сельским учителем, в письмах к Энгельману Витгенштейн часто жалуется на невозможность преодолеть свое несовершенство и на невозможность изменить мир и людей, на усталость от жизни: «Уже год, как я морально совершенно мертв! <...> Я так хотел обратить свою жизнь к добру и стать звездой. Но остался на земле и теперь гибну. Моя жизнь, собственно говоря, лишилась смысла»⁴². Он связывает причину этого кризиса с ослаблением веры.

Действительно, главная и глубинная причина трагедии, которую пережил Витгенштейн в период наиболее интенсивного увлечения Толстым и Достоевским, кроется, нужно полагать, в том, что ни одна литература, сколь бы религиозной она ни была в своей основе, не может заменить собой религию. Тот «авторский» вариант христианских идей, который развивали великие русские классики, оказался недостаточным, чтобы выстроить на их фундаменте подлинное здание веры. Кризис веры, постигший Витгенштейна, высвечивает непрочность и неистинность «неопределенно-евангельских» установок Толстого и Достоевского, которые при реальном воплощении их в жизнь привели к глубокому духовному кризису, что еще раз свидетельствует о том, что ни литература, ни философия не справляются с задачей внецерковного исполнения религиозных функций.

Если рассматривать кризис, пережитый Витгенштейном, в контексте преодоления идей модерна, а «Трактат», «Дневники 1914–1916 годов» и «Тайные дневники», без сомнения, во многом подводят итог философским исканиям модерна и полемически преодолевают его основные этико-эстетические представления, то он выявил несостоятельность одной из главных идей той эпохи, согласно которой мир спасет от гибели и распада одинокий гений,

⁴¹ Паскаль Ф. Витгенштейн: личные воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 136.

⁴² Wittgenstein L. Briefe. Frankfurt am Main, 1980. S. 118.

человек-творец, поэт-мессия. Дальнейшее развитие философии Витгенштейна происходит в русле преодоления индивидуалистического типа сознания, сформированного культурой модерна.

Еще одна линия обращения Витгенштейна к наследию русской культуры заключалась в его стремлении объединить религиозные и культурные проблемы, ведь и Толстой и Достоевский обращались к религии, «чтобы найти в ней разрешение последних проблем культуры»⁴³. Они были глубоко убеждены, что «подлинно соединить красоту и добро может только то, что глубже обоих начал, то есть религия»⁴⁴. Отсутствие подобных устремлений было, по-видимому, главной причиной расхождения Витгенштейна и К. Крауса в 1920-е гг. Краус не связывал решение проблем жизни с объединением культурных и религиозных ценностей. Эта тенденция его философских воззрений не раз становилась предметом критики в публикациях инсбрукского литературно-исторического и богословского журнала «Бреннер» (1910–1954), в который Витгенштейн обратился с просьбой об издании «Логико-философского трактата».

В 1919 г. издатель «Бреннера» Л. Фикер опубликовал ответ Достоевского господину Градовскому, в котором Достоевский в числе прочих поднятых там вопросов критиковал и ценностные представления западноевропейцев, считавших возможным существование нравственности, культуры и общественных идеалов без Бога. Из переписки Витгенштейна ясно, что он читал эту публикацию⁴⁵. Этико-эстетические воззрения К. Крауса могли бы быть хорошим подтверждением рассуждений Достоевского, которые, как представляется, были в высшей степени близки австрийскому философу.

Произведения классической русской литературы, воспринятые Витгенштейном не как эстетические памятники, а, скорее, как учебник жизни, способствовали созреванию религиозного измерения его философского творчества и в немалой степени повлияли на переворот в его философии, произошедший в 1930-е гг. В своих поздних философских работах он отказывается от анализа статичных моделей языка с позиций «абстрактного духа» и обращается к анализу живой разговорной речи с позиций души «с се плотью и кровью».

Два выдающихся представителя русской культуры — Николай Бахтин, с которым Витгенштейн познакомился в Кем-

⁴³ *Зеньковский В.* История русской философии. В 2 т. Л., 1991. Т. 1. С. 191.

⁴⁴ Там же. С. 191.

⁴⁵ L. Wittgenstein — L. Hänsel. Eine Freundschaft. Innsbruck, 1994. S. 259.

бридже в начале 1930-х гг. и его брат Михаил Бахтин, чьи идеи были знакомы Витгенштейну в изложении Н. Бахтина, — сыграли, как представляется, существенную роль в дальнейшем диалоге австрийских и русских философских идей, диалоге, который никогда не прекращался в жизни и творчестве Витгенштейна.

Витгенштейн и Николай Бахтин: неизвестная дружба

Николай Михайлович Бахтин (1894–1950) познакомился с Людвигом Витгенштейном в 1933 г. в Кембридже. Австрийский ученый в 1929 г. вернулся в Англию после долгого отсутствия, следуя настоятельным уговорам Б. Рассела. В этом же году он получил степень доктора философии. Н. Бахтин впервые приехал в Англию, в Бирмингем, в 1929 г. по приглашению профессора русского языка и литературы Бирмингемского университета, основателя Славянского общества С. Коновалова. Он провел там полгода, изучая английский язык. Активное участие в судьбе Н. Бахтина приняла также секретарь общества Франческа Уилсон, которая позже написала биографическое предисловие к посмертно изданному на английском языке сборнику эссе и лекций Н. Бахтина. Затем Н. Бахтин вернулся в Париж, закончил курс в Сорбонне и в 1932 г. защитил диссертацию в Кембридже. С 1932 г. он некоторое время читал лекции по литературе в Кембридже, которые, как вспоминал профессор Доддс, «стали сенсацией»⁴⁶. Эти лекции вполне могли послужить поводом для знакомства Н. Бахтина и Л. Витгенштейна, который живо интересовался всем русским, в особенности русской литературой.

Витгенштейн никогда — ни в письмах, ни в своих заметках — не упоминал имени Н. Бахтина. Неожиданным контрастом по отношению к этому факту умолчания звучат воспоминания Фани Паскаль⁴⁷, которая в 1934–1935 гг. занималась с Витгенштейном русским языком. Она пишет: «Витгенштейн по-настоящему любил Бахтина, был необыкновенно счастлив и весел в его присутствии и никогда не бросал его, в то время как с другими он проделывал это запросто. Это был тот редкий случай, когда Вит-

⁴⁶ См.: *Wilson F.* Biographical Introduction. In: *Nicholas Bakhtin. Lectures and Essays.* Birmingham, 1963. P. 13.

⁴⁷ Фаня Паскаль — Фейга Поляновская, родилась на Украине, в Житомире. В 1931 г. защитила в Берлине диссертацию об интуитивизме в теории познания Н. О. Лосского. Н. Бахтин учился у Лосского в Петербурге в 1914–1916 гг. Ф. Паскаль была замужем за другом Бахтина германистом Роем Паскалем.

генштейн принимал человека таким, как он есть»⁴⁸. Ф. Паскаль вспоминает, что Витгенштейн часто навещал семью Бахтиных (Н. Бахтин женился в 1935 г. на англичанке). Констанция Бахтина рассказывала Ф. Паскаль о «бесконечных спорах между Бахтиным и Витгенштейном»⁴⁹.

О значимости дружбы Н. Бахтина и Витгенштейна говорит также факт, приведенный в материалах выставки, посвященной столетию Витгенштейна: «С другом, русским филологом Николаем Бахтиным, с которым он познакомился в Кембридже в 1933 г., он (Витгенштейн. — Т. Ф.) после долгого перерыва вновь перечитывает “Логико-философский трактат” и, объясняя Бахтину идеи своего первого произведения, принимает решение опубликовать “Философские исследования” вместе с “Логико-философским трактатом”»⁵⁰. Этот комментарий относится к 1943 г., времени напряженной работы Витгенштейна над «Философскими исследованиями», в которых он подводит итог второго, «кембриджского» периода своего творчества.

На сегодняшний день нет, к сожалению, ни одного сочинения, посвященного отношениям Н. Бахтина и Витгенштейна. В обширной литературе об австрийском философе Н. Бахтин упоминается лишь раз в качестве «одного из марксистских друзей Витгенштейна»⁵¹. Такой узкий взгляд на одного из самых блестящих представителей русской эмиграции способствовал тому, что отношениям Бахтина и Витгенштейна не придавалось должного значения. Нам представляется, однако, что именно эта неизвестная до сих пор дружба сыграла значительную роль в становлении философских идей Витгенштейна второго периода его творчества.

Причины сближения Н. Бахтина и Витгенштейна лежат отчасти в их биографиях. Оба принадлежали к одному поколению, были выходцами из аристократической среды, получили европейское гимназическое и университетское образование. Во время Первой мировой войны они ушли добровольцами на фронт и служили рядовыми. Удивительно схожи побудительные мотивы их поступка. Н. Бахтин в воспоминаниях «Русская революция глазами белогвардейца» пишет: «Я был выше такого чувства как патриотизм. Подобно большинству своих друзей, я вступил в ар-

⁴⁸ Паскаль Ф. Витгенштейн: личные воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 99.

⁴⁹ Там же. С. 99.

⁵⁰ Wittgenstein L. Eine Ausstellung der Wiener Secession. Wien, 1989. S. 82.

⁵¹ L. Hänsel — L. Wittgenstein. Eine Freundschaft. Innsbruck, 1994. S. 116.

мию исключительно для того, чтобы обрести новый волнующий опыт»⁵². Сестра Витгенштейна Термина свидетельствует, что желание ее брата пойти на войну не было вызвано патриотическими чувствами. Скорее всего, пишет она, «это было сильное желание взвалить на свои плечи нечто тяжелое, заняться чем-то другим, чем чисто умственная работа»⁵³. Они воевали по разные линии фронта примерно в одних и тех же краях: Витгенштейн — в Галиции, Н. Бахтин — на Буковине. Оба, попав на фронт, пережили одинаковое потрясение и разочарование. Бахтин пишет: «Вместо приключений и лихих кавалерийских атак меня ожидала окопная грязь, холод, вши и скука»⁵⁴. Витгенштейн в «Тайных дневниках» констатирует: «Никакого воодушевления, невообразимая грубость, тупость и злоба. Значит, все-таки неправда, что великое дело должно облагораживать человека»⁵⁵. Оба пытались компенсировать свои тяжелые военные впечатления занятиями философией. «Болезненный опыт пребывания на фронте загнал меня прямо в философское укрытие»⁵⁶, — пишет Н. Бахтин. Витгенштейн все время своего пребывания на фронте работает над текстом «Логико-философского трактата».

Главная причина их сближения все же далеко не биографического свойства. В неопубликованном варианте предисловия к «Философским заметкам» Витгенштейн пишет: «Мне все равно, поймет ли и оценит ли меня типичный западный ученый, ведь он все равно не постигнет духа, в котором я пишу»⁵⁷. Н. Бахтин, думается, вполне мог понять дух идей Витгенштейна, к важнейшим источникам которых относилась русская литература. Как живой носитель русской культуры, он, без сомнения, заново открыл для Витгенштейна не только мир русской литературы, но и мир русской философии, которая была теснейшими узами связана с религией.

Н. Бонецкая в статье «М. Бахтин и традиции русской философии» следующим образом характеризует особенности русской философской мысли: «Русскую философию нельзя рассматривать

⁵² Бахтин Н. Русская революция глазами белогвардейца // Бахтинология. Исследования. Переводы. Публикации. СПб., 1995. С. 327.

⁵³ Rhees R. Nachwort. In: Porträts und Gespräche. Hrsgn. von R. Rhees. Frankfurt am Main, 1987. S. 258.

⁵⁴ Бахтин Н. Русская революция глазами белогвардейца // Бахтинология. Исследования. Переводы. Публикации. СПб., 1995. С. 335.

⁵⁵ Wittgenstein L. Geheime Tagebücher. 1914–1916. Wien, 1991. S. 17.

⁵⁶ Бахтин Н. Русская революция глазами белогвардейца // Бахтинология. Исследования. Переводы. Публикации. СПб., 1995. С. 338.

⁵⁷ Wittgenstein L. Vermischte Bemerkungen. Frankfurt am Main, 1987. S. 21–22.

безотносительно к ее глубинной основе — церковности... Мир как мистическое всеединство, элементы которого стянуты в одно целое силой любви, — эта изначальная модель присутствует как в концепциях софиологов, так и в построениях русских кантианцев... Именно отсюда если не всегда религиозный, то хотя бы этический пафос русской мысли и ее страстное влечение к метафизике»⁵⁸. Н. Бахтин писал в статье «Вера и знание» (1926), что русская философия в отличие от западноевропейской не разделяет веру и знание: «Душе дано живое единство целостного религиозного гносиса, в котором вера и знание могут быть разделены лишь условно. Русская религиозная мысль не могла и не хотела стать умаленным теоретическим познанием сущего»⁵⁹. Витгенштейн, который уже в период написания «Трактата» ставил перед собой задачу объединения веры и знания, теории и практики нашел, как представляется, в лице Н. Бахтина существенную поддержку духовным основам своей философии.

Упомянутые Ф. Паскаль «бесконечные споры» между Витгенштейном и Бахтиным невозможно представить без разговоров о русской литературе. Можно с большой долей уверенности предположить, что они обсуждали особенности эстетики русской литературы и особенности русского национального литературного языка. Эти темы Н. Бахтин затрагивал в лекциях о русской литературе «английского» периода своей жизни. Так, например, в лекции о Пушкине он писал о том, что в русской литературе XIX в. сложилась новая эстетика восприятия жизни, которая была тесно связана с переосмыслением романтических традиций. Смысловый ряд, который Н. Бахтин выстраивал в своих лекциях, отражал типичные представления о русской культуре с точки зрения ее живых носителей.

Романтическая теория «эстетического гуманизма», суть которой составляла вера в единство красоты и добра, уже Пушкиным была поставлена под сомнение, а со времен Гоголя трактовалась как трагическое заблуждение⁶⁰. О разрушающей, двусмысленной силе красоты, отвлекающей человека от добра, размышляли все великие русские писатели. Крайним выражением сомнений в природе прекрасного был толстовский нигилизм, который рас-

⁵⁸ *Бонецкая Н. К.* М. Бахтин и традиции русской философии // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 90.

⁵⁹ *Бахтин Н.* Знание и вера // М. Бахтин и философская культура XX века. Вып. 1, ч. 2. СПб, 1991. С. 133.

⁶⁰ См. об этом: *Зеньковский В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 180–192, 206–207.

пространялся на все нерелигиозные виды искусства. Этическое искусство и этическая философия были немислимы для русских писателей без религии. Это обстоятельство определяло их поиски соответствующих языковых и поэтологических концепций.

Витгенштейн начал размышлять над особенностями поэтики русской литературы уже в период написания «Трактата». Одним из результатов этих размышлений явилась, как мы полагаем, его теория «показа». Важной иллюстрацией провозглашенного в «Трактате» принципа непрямого, внесловесного выражения этических ценностей были для Витгенштейна, как известно, «Народные рассказы» Толстого и «Братья Карамазовы» Достоевского. Русские писатели создали в этих произведениях литературные образы важнейших духовно-религиозных идей эпохи. Для Витгенштейна было существенно, что автор оставался при этом в тени, повествование проявлялось больше как показ, чем как изображение с точки зрения автора. Слово выполняло в этом случае изобразительные, а не оценивающие функции. Поздний Толстой, который сильно повлиял на Витгенштейна как мыслитель, как писатель не вызывал у него симпатии именно из-за слишком открыто выраженной авторской позиции. Витгенштейн не принимал авторитарный характер слова позднего Толстого, не принимал чистой проповеди, не соединенной с образом. В одном из писем к Н. Малкольму Витгенштейн сообщает: «Однажды я начал читать “Воскресение”, но не смог. Видишь ли, когда Толстой просто повествует о чем-либо, он воздействует на меня бесконечно сильнее, чем когда он адресует читателю. Когда он поворачивается к читателю спиной, тогда он производит наиболее сильное впечатление <...>. Его философия представляется мне наиболее верной, когда она скрыта в повествовании»⁶¹.

В 1930-е гг. Витгенштейн расширяет свои представления о возможностях языка относительно передачи высших этических смыслов. Он считает, что быть носителем и проводником духовного содержания способна не только литература как эстетический посредник, но и обиходный разговорный язык. Первые признаки переворота, произошедшего в философии Витгенштейна в начале 1930-х гг., проявляются уже в «Философских заметках». Он не хочет «представлять мир проще, чем он есть»⁶². Он пишет: «Ошибочно полагать, что можно познать вечно меняющуюся

⁶¹ Малкольм Н. Людвиг Витгенштейн: воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. С. 49.

⁶² Wittgenstein L. Philosophische Betrachtungen. In: Wiener Ausgabe Bd. II. Wien, 1994. S. 4.

действительность с помощью научного метода»⁶³. Он размышляет о необходимости перейти от анализа идеальной модели метаязыка к исследованию языка в его повседневном функционировании: «Решающе важным моментом для языка является его употребление»⁶⁴.

Существенную роль в развитии таких представлений о языке могло сыграть знакомство Витгенштейна с особенностями русского национального языка. Нам представляется, что неверно связывать интерес Витгенштейна к русскому языку исключительно с его планами поездки в Россию. Ф. Паскаль предполагает, что Витгенштейн занимался русским не только с ней, но и с Бахтиным. Если она сама преподавала Витгенштейну язык в чисто лингвистическом плане, то Н. Бахтин не мог не познакомить его с философскими основами русского литературного языка. Он касается этого вопроса в своих лекциях о Пушкине и Маяковском. Н. Бахтин традиционно рассматривает Пушкина как создателя русского литературного языка. Пушкин достиг, пишет он, «сложной гармонии между экспрессивной мощью русской речи и ритмом, стилями, традициями, унаследованными от Запада»⁶⁵. Пушкин, как известно, отказался от существовавшего до него строгого деления на литературные жанры и разграничения вследствие этого языковых средств на высокие и низкие. Он вырвал язык из сферы чисто литературной традиции и внедрил его в контекст жизни. Так, например, он возвел народный язык в ранг литературного текста. Ю. М. Лотман писал, что «Пушкин хотел создать произведение литературы, которое, преодолев литературность, воспринималось бы как сама внелитературная реальность, не переставая быть при этом литературой»⁶⁶. Следуя этой цели, Пушкин ввел в свою прозу «болтовню»⁶⁷, то есть разговорную речь, с тем чтобы предоставить читателю не литературный, а как бы взятый из самой жизни текст. Таким образом Пушкин преодолел, или, как пишет Н. Бахтин, «трансформировал» слишком литературную, книжную модель мира, которая так глубоко вошла в сознание людей стереотипными фразами, моделями поведения, что стала определять саму жизнь. Пушкин

⁶³ Ibid. S. 3.

⁶⁴ Ibid. S. 3.

⁶⁵ *Bakhtin N. Pushkin*. In: N. Bakhtin. *Lectures and Essays*. Birmingham, 1963. P. 21.

⁶⁶ *Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. М., 1988. С. 85.

⁶⁷ По мнению Ю. М. Лотмана.

разоблачает в своих произведениях романтическую фразеологию, показывая, что красивые литературные фразы и языковые клише, сформированные романтизмом, не «работают» в обычной простой действительности. Одной из главных тем русской литературы со времен Пушкина становится проблема несовместимости реальной жизни и эстетизированного, сформированного романтизмом сознания.

Ф. Паскаль пишет, что Витгенштейн однажды цитировал Пушкина. Она связывает это с привычкой Бахтина читать вслух русскую поэзию. Можно предположить, что благодаря знакомству с творчеством Пушкина в трактовке Бахтина Витгенштейн значительно углубил свои представления о специфике русского литературного языка и литературы. Одна из главных тем пушкинского творчества, а именно преодоление романтизма, определено могла представлять интерес для Витгенштейна как проблема преодоления эстетизма, а также заблуждения относительно единства добра и красоты, этики и эстетики. В первые дни войны Витгенштейн записал в «Тайном дневнике», что хотел бы «жить в мире добра и красоты, пока жизнь не прекратится сама собой»⁶⁸. Эта абсолютно романтическая греза оказалась утопией, которую уничтожила война. В 1930 г. одному своему ученику Витгенштейн посоветовал читать «Закат Европы» Шпенглера в качестве «противоядия против неизлечимого романтицизма»⁶⁹. Как реакцию на засилье красивых фраз, которые не находят подтверждения в жизни, можно рассматривать один из главных тезисов «Трактата» — «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Пояснение этому положению мы находим в витгенштейновском письме к Л. Фикеру. Витгенштейн пишет: «Все то, о чем сегодня многие только болтают, я изложил в своей книге, обойдя это молчанием»⁷⁰. В 1930-е гг. он подвергает сомнению один из главных тезисов «Трактата» о единстве этики и эстетики. В своем позднем философском труде «Философские исследования» он исследует «болтовню» уже в пушкинском понимании, то есть обращается к языковым играм, происходящим в повседневной жизни. Этот переход от анализа языка как системы, как идеальной нормы к анализу речи был, по нашему мнению, во многом инспирирован общением Витгенштейна с Н. Бахтиным.

Н. Бахтин, оставаясь самостоятельным мыслителем, мог быть также проводником идей своего младшего брата М. Бахтина,

⁶⁸ Wittgenstein L. Geheime Tagebücher. 1914–1916. Wien 1991. S. 28.

⁶⁹ Drury M. O. C. Gespräche mit Wittgenstein. In: Porträts und Gespräche. S. 162.

⁷⁰ Wittgenstein L. Briefe. Frankfurt am Main, 1980. S. 97.

духовная связь с которым не прерывалась никогда. В этой связи вопрос о взаимоотношениях братьев после их разлуки в 1918 году приобретает первостепенное значение <...>.

Поездка Л. Витгенштейна в Россию: попытка новой рецепции

Людвиг Витгенштейн посетил Россию в сентябре 1935 г., пробыв там две недели — с 12 по 1 октября. В одном из писем к своему другу Д. Кейнсу, предшествовавших поездке, он писал: «Я уверен, что ты отчасти понимаешь, чем вызвано мое желание поехать в Россию. Признаюсь, что причинами тому стали в какой-то степени плохие и даже детские мотивы, но верно и то, что за всем этим скрываются глубокие и вполне хорошие побуждения»⁷¹.

Исследование вопроса об истинных причинах поездки Витгенштейна в Россию, видимо, никогда не выйдет за рамки предположений. Ученик Витгенштейна Р. Рис был, как представляется, во многом прав, написав, что поездка была вызвана «размышлениями о самом себе и о философских вопросах»⁷². Он был также прав, когда здесь же констатировал: «Но, по-видимому, никто не узнает, что за мысли это были».

Анализ мемуаров о Витгенштейне позволяет утверждать, что религиозное по своей природе желание Витгенштейна «бежать в Россию»⁷³, о котором он писал П. Энгельману в 1922 г., в 1935 г. было дополнено интересом к социальной и политической жизни в Советском Союзе. Довольно идеалистические представления Витгенштейна о России как стране Толстого и Достоевского были, вероятнее всего, скорректированы рассказами Н. Бахтина о реалиях послереволюционной русской жизни.

Об интересе Витгенштейна к новейшей истории России свидетельствуют в своих воспоминаниях Р. Рис и М. Друри. В приведенных ими суждениях Витгенштейна слышатся отголоски его бесед с Н. Бахтиным. Это касается, к примеру, процитированного Друри высказывания Витгенштейна о Ленине: «Философские работы Ленина, конечно, абсурдны, но он, во всяком случае, стремился что-то сделать»⁷⁴. Положительное мнение Витгенштейна

⁷¹ Ibid. S. 191–192.

⁷² См. об этом: Паскаль Ф. Витгенштейн: личные воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 133.

⁷³ Wittgenstein L. Briefe. Frankfurt am Main, 1980. S. 125.

⁷⁴ Drury M. O. C. Gespräche mit Wittgenstein. In: Porträts und Gespräche. S. 178.

о Ленине как деятеле вполне могло быть инспирировано «активистскими» идеями Н. Бахтина, который считал, что интеллигенция должна принимать активное участие в жизненных процессах, выражать себя не только в умственной работе, но и в действии, в поступке, стремиться к свершениям. Р. Рис вспоминает, что Витгенштейн был склонен рассматривать русскую революцию 1917 г. не только как следствие марксистских идей и социальных движений, но прежде всего как следствие страстного желания изменить жизнь⁷⁵. Этим тонким наблюдениям о психологических мотивах революции он был, очевидно, также обязан разговорам с Н. Бахтиным. Они не могли не обсуждать важный для каждого образованного русского вопрос о том, что психологически революция была во многом подготовлена русской литературой, одной из главных тем которой была мысль об исчерпанности, не в последнюю очередь этической, старых форм жизни. Мотив несправедливого жизненного устройства определил содержание поздних произведений Толстого. Тоска по новой жизни была особенно глубоко запечатлена в пьесах Чехова.

«Форма жизни» (*Lebensform*) — одна из важнейших категорий «Философских исследований» Витгенштейна. Это понятие употребляет Кейнс, когда объясняет советскому послу И. М. Майскому причины, побудившие Витгенштейна решиться на поездку в Россию: «...он испытывает огромную симпатию к формам жизни, которые, по его мнению, создает новое русское правительство»⁷⁶. В Западной Европе Советский Союз в 1930-е гг. действительно рассматривали как страну «новой цивилизации», противостоящей фашизму⁷⁷. В этом смысле Россия в самом деле лучше всего отвечала стремлению Витгенштейна бежать от западной цивилизации и от «гибнущей» западной культуры.

Н. Бахтин, который живо интересовался политической жизнью Советской России и активно собирал газетную информацию на этот счет, безусловно, обсуждал с Витгенштейном социальные темы. Общий для Витгенштейна и Н. Бахтина интерес к новым формам жизни был, как представляется, связан с важной для них обоих темой соответствия языка формам жизни. Эта проблема была в высшей степени актуальна для России, так как новые условия жизни привели к господству языка, рожденного

⁷⁵ *Rhees R.* Nachwort. In: *Porträts und Gespräche.* Hrsgn. von R. Rhees. Frankfurt am Main, 1987. S. 270.

⁷⁶ *Wittgenstein L.* Briefe. Frankfurt am Main, 1980. S. 192.

⁷⁷ См. об этом: *Паскаль Ф.* Витгенштейн: личные воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 133.

массовым сознанием. В лекции о Маяковском Н. Бахтин расценивает этот факт скорее положительно, чем отрицательно. В том, что Маяковский творил в жанре «разговорной поэзии» (*oral poetry*)⁷⁸ и употреблял в стихах язык революции, язык широких народных масс, он усматривал развитие пушкинских традиций, которые предполагали введение народного языка в поэтическое произведение. «Проблема разговорного языка»⁷⁹, — указывает Н. Бахтин, вышла в творчестве Маяковского на первый план и тот должен был в соответствии с этим трансформировать принципы общения между поэтом и аудиторией. Переход на «язык эпохи» был актуальнейшей проблемой и для М. Бахтина. Чтобы не потерять аудиторию и возможности публикации своих работ, он вынужден был отказаться от яркого, оригинального стиля и индивидуального понятийного аппарата своих ранних сочинений и с середины 1920-х гг. пользовался общеупотребительным языком. Вполне вероятно, что к научным причинам поездки Витгенштейна в Россию относилось изучение проблемы связи языка и «форм жизни».

Представления Н. Бахтина относительно советской действительности 1930-х гг., безусловно, не были свободны от иллюзий. Это подтверждает факт его вступления в середине 30-х годов в английскую коммунистическую партию. Для русского, который долгие годы провел на чужбине, было практически невозможно составить ясное, точное представление о сложнейших, неоднозначных событиях в России конца 1920-х — начала 1930-х гг. Кроме того, нормально мыслящий человек вряд ли мог в полной мере представить себе размах репрессий в России и понять их логику. М. Бахтин так отозвался об этом в беседах с В. Дувакиным: «Кругом людей арестовывали, схватывали и так далее и так далее. Было вообще просто ужасно, непонятно»⁸⁰.

Нет сомнений в том, что Н. Бахтин знал о тоталитарном характере советского режима, хотя в начале 1920-х гг. имелись только отдельные факты преследования инакомыслящих. Он не мог, к примеру, не знать о расстреле за контрреволюционную деятельность Н. Гумилева, с которым был знаком лично. Первая крупная волна репрессий против интеллигенции, когда за участие в религиозном кружке «Воскресение» был арестован М. Бахтин, пришлось на конец 1920-х гг. Нельзя точно сказать, какими сведениями располагал Н. Бахтин относительно ареста

⁷⁸ *Bakhtin N. Mayakowski. In: Lectures and Essays. Birmingham, 1963. P. 139.*

⁷⁹ *Ibid. S. 139.*

⁸⁰ *Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996. С. 208.*

и дальнейшей высылки брата. Но общая ситуация была ему, безусловно, известна, так как советская пресса охотно освещала события, касавшиеся контрреволюционной деятельности. Эти газетные публикации М. Бахтин упоминает в одном из своих разговоров с Дувакиным⁸¹. Витгенштейн, без сомнения, учитывал подобную информацию. Не случайно он просит Кейнса подчеркнуть в рекомендательном письме к советскому послу в Англии, что он «политически абсолютно благонадежен»⁸².

Одной из причин поездки Витгенштейна было, по всей вероятности, его желание составить по возможности более полное представление о жизни в России, может быть, даже по просьбе Н. Бахтина, который всегда мечтал о возвращении на Родину. Витгенштейн замыслил свою поездку как пробную. Это видно из его письма к Кейнсу от 30 июня 1935 г.: «Я принял более или менее твердое решение поехать в Россию в сентябре в качестве туриста и выяснить, смогу ли я найти там подходящее место для себя. Если я сочту (а это, боюсь, вполне возможно), что мне не найти такового, или я не смогу получить разрешения на работу в России, то я охотно вернусь в Англию»⁸³ Витгенштейн хотел убедиться, возможно ли ему поселиться в России, чтобы там после окончания своего членства в Тринити-колледже «заняться медицинской практикой»⁸⁴. Он в полной мере понимал, какими опасностями грозит задуманное им мероприятие. В цитирувавшемся выше письме он признавался, что решение ехать в Россию «дается ему очень тяжело»⁸⁵.

При чтении переписки Витгенштейна и Д. Кейнса возникает впечатление, что Витгенштейн кроме других побудительных мотивов воспринимал эту поездку как исполнение некоего долга. Может быть, чувство долга было связано с судьбой Михаила Бахтина? М. Бахтин более, чем кто-либо, мог принадлежать к кругу друзей Витгенштейна, о которых тот писал: «Итак, я, собственно, пишу для друзей, рассеянных по разным углам мира. Мне безразлично, поймет или оценит ли меня типичный западный ученый, ведь он все равно не постигнет духа, в котором я пишу»⁸⁶.

⁸¹ Там же. С. 147–148.

⁸² *Wittgenstein L. Briefe*. Frankfurt am Main, 1980. S. 191.

⁸³ *Ibid.* S. 189.

⁸⁴ *Ibid.* S. 189.

⁸⁵ *Ibid.* S. 190.

⁸⁶ *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. I. М., 1994. С. 418.

В письме к Кейнсу от 6 июля 1935 г. Витгенштейн выражает желание посетить в России учреждения, которые «занимаются людьми, желающими переселиться в “колонии”, то есть в недавно колонизированные окраины Советского Союза»⁸⁷. Если верно наше предположение о том, что Витгенштейн искал встречи с Михаилом Бахтиным, то его странный интерес к окраинам СССР обретает внутреннюю логику и смысл. В этом случае «колонии», о которых пишет Витгенштейн, это ничто иное, как лагеря ГУЛАГА, которые формировались как раз в конце 1920-х гг. А люди, которые, по осторожному выражению Витгенштейна, «желают переселиться в колонии», это инакомыслящие русские интеллигенты, среди которых был и М. Бахтин.

Известно, что русскую интеллигенцию в конце 1920-х гг. ссылали преимущественно в две области — на Соловки и в Казахстан. Вполне вероятно, что именно этим обстоятельством было обусловлено решение Витгенштейна связаться в России с двумя учреждениями, которые могли быть ему полезны в запланированных им поездках в «колонии» и оправдывали бы его интерес к окраинным областям СССР. Это были Институт Арктики и Антарктики в Ленинграде и Институт национальных меньшинств в Москве⁸⁸. Посол И. М. Майский обещал Витгенштейну дать адреса людей в России, от которых Витгенштейн мог бы получить необходимую информацию⁸⁹. Витгенштейн сообщает Кейнсу, что Майский не находил его просьбу о переселении абсолютно бесперспективной⁹⁰. Видимо, посол выполнил свое обещание, так как Витгенштейн посетил по приезду в Россию оба института.

У Н. Бахтина, вероятнее всего, не было точной информации о местонахождении брата. Как известно, М. Бахтин должен был согласно приговору попасть на Соловки, но из-за обострившегося остеомиелита почти год провел в больницах Ленинграда. Благодаря заступничеству М. Горького и А. Толстого приговор был заменен более мягким наказанием — пятью годами ссылки в Казахстан. В Казахстан М. Бахтин и его жена уехали в марте 1930 г., ссылка длилась до июня 1934 г., но М. Бахтин пробыл в Кустанае до сентября 1936 г. С сентября 1934 г. он часто приезжал в Ленинград и Москву и подолгу жил у своих родственников и друзей.

Витгенштейн вполне мог по просьбе Н. Бахтина навестить его родственников в Ленинграде и собрать сведения о судьбе Михаи-

⁸⁷ *Wittgenstein L. Briefe.* Frankfurt am Main, 1980. S. 191.

⁸⁸ *Ibid.* S. 191.

⁸⁹ *Ibid.* S. 191.

⁹⁰ *Ibid.* S. 193.

ла. Отчасти наше предположение подтверждает интереснейшая информация, содержащаяся в материалах выставки, посвященной столетию Витгенштейна. Там сообщается, что Витгенштейн во время поездки в Россию посетил Казахстан⁹¹. Косвенным доказательством контактов Витгенштейна с М. Бахтиным или с членами его семьи является то обстоятельство, что М. Бахтин был прекрасно информирован о событиях жизни Николая, относящихся к началу и середине 1930-х гг. Такие подробные сведения Михаил мог получить только от человека, который хорошо знал Николая в «английский» период его жизни и был достаточно смел, чтобы доставить эту информацию в Россию.

По возвращении в Англию Витгенштейн абсолютно точно оценил опасность тоталитаризма в России. Он писал: «Там можно жить, но только постоянно сознавая, что никогда не сможешь высказать своего мнения... Как если бы ты провел остаток своей жизни в армии, какой-нибудь чужой армии, а это для образованного человека довольно тяжело»⁹². Г. Паттисон сообщает в «Воспоминаниях о Л. Витгенштейне», что Витгенштейн был разочарован результатами своей поездки в Россию в 1935 г.⁹³ Однажды в разговоре с Вайсманом Витгенштейн произнес загадочную фразу: «Россия. Только страсть обещает что-то»⁹⁴. Объяснение смысла этой фразы содержат его заметки, вышедшие в русском переводе под заглавием «Культура и ценность». Страсть для Витгенштейна, как и для Кьеркегора, была синонимом веры: «Мудрость бесстрастна. Тогда как веру Кьеркегор, напротив, называет страстью»⁹⁵. Разочарование Витгенштейна от посещения России было, возможно, связано с тем, что в 1935 г. он посетил страну воинствующих атеистов. Вернувшись из России, он уезжает в Норвегию, где работает в 1936–1937 гг. над важнейшими философскими работами, относящимися ко второму периоду его творчества.

Воспоминания знакомых Витгенштейна о его поездке в Россию и рассуждения исследователей на эту тему очень противоречивы. Д. Моран в статье «Витгенштейн и Россия» утверждает, что профессор математики Московского университета София Александровна Яновская (1896–1966) предложила Витгенштейну пре-

⁹¹ *Wittgenstein L.* Eine Ausstellung in der Wiener Secession. Wien, 1989. S. 69.

⁹² *Ibid.* S. 69.

⁹³ *Pattison G.* Erinnerungen an L. Wittgenstein. In: Eine Ausstellung in der Wiener Secession. S. 123.

⁹⁴ *Rhees R.* Nachwort. In: *Porträts und Gespräche.* Hrsgn. von R. Rhees. Frankfurt am Main, 1987. S. 270.

⁹⁵ *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 460.

подавать философию в Московском университете⁹⁶. Ф. Паскаль сообщает о подобном предложении, касающемся Казанского университета⁹⁷. Не подлежит, однако, сомнению, что такие предложения в тогдашней России вряд ли были возможны. Философия в Советском Союзе уже с начала 1920-х гг. была подчинена идеологическим задачам и «обслуживала» политический режим, то есть носила ярко выраженный ангажированный характер. В 1922 г. из России были высланы на знаменитом «философском пароходе» все известные философы. Среди них были Н. Бердяев и Н. Лосский, которых хорошо знал Н. Бахтин и с которыми он поддерживал отношения в эмиграции. Многие ученые были репрессированы в конце 1920 — середине 1930-х гг.

Советские философы, исполняя заказ власти, активно критиковали в 1930-е гг. «идеалистические направления» западной философии. Главным критиком философских идей Витгенштейна в те годы была Татьяна Николаевна Горнштейн, сотрудница Ленинградского института философии, литературы, языкознания и истории. Витгенштейн встречался с ней в Ленинграде. В 1935 г. вышла ее книга «Ленин в борьбе с махизмом». Она пишет, что «главнейшие представители махизма — это Карнап, Райхенбах, Шлик, Витгенштейн»⁹⁸. Книга, должно быть, появилась до ее встречи с Л. Витгенштейном, так как она называет его Гансом⁹⁹. Она упрекает австрийского философа в «солипсизме и мистике»¹⁰⁰. Обосновывая идеалистический характер махизма, Т. Н. Горнштейн расценивает его как «орудие фашистской реакции», выполняющее роль «прихвостня буржуазии»¹⁰¹. Это был традиционный для тех лет вульгарно-социологический анализ с точки зрения марксистской философии.

Приведенные выше высказывания были почти окончательным приговором для автора «Логико-философского трактата» как философа, не говоря уже о возможности работы Витгенштейна в качестве преподавателя философии. По этой причине вызывает крайнее сомнение вывод автора комментариев к переписке Витгенштейна и Л. Хензеля относительно поездки Витгенштейна в Россию: «Витгенштейну вскоре стало ясно, что его хотели бы

⁹⁶ См.: *Moran J. Wittgenstein and Russia*. In: *New Left Review*. 1972. N 73. P. 90.

⁹⁷ *Паскаль Ф. Витгенштейн: личные воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель*. М., 1993. С. 116.

⁹⁸ *Горнштейн Т. Н. Ленин в борьбе с махизмом*. М.; Л., 1935. С. 158.

⁹⁹ Там же. С. 163.

¹⁰⁰ Там же. С. 163.

¹⁰¹ Там же. С. 199.

видеть в Советском Союзе скорее в качестве преподавателя, нежели в качестве работника колхоза»¹⁰².

Нам представляется, что при размышлении о причинах поездки Витгенштейна в Россию нужно учитывать прежде всего религиозную мотивировку его поступков, которая определяла всю его жизнь после войны. Таким мотивом могло стать его желание помочь представителям русской интеллигенции, принять участие в их судьбах. Н. Бахтин наверняка рассказал Витгенштейну, что его брат был с детства болен тяжелой формой остеомиелита. Этой же болезнью страдал, кстати, друг Витгенштейна Ф. Скинер, с которым Витгенштейн намеревался посетить Россию. Известно также, что Витгенштейн охотно помогал московскому профессору С. А. Яновской, которая была больна диабетом. Ф. Паскаль сообщает, что Витгенштейн в октябре 1937 г. просил ее отослать С. А. Яновской лекарства. При этом он предупредил Ф. Паскаль, чтобы она никому не рассказывала о письме Яновской, а само письмо просил снова переслать ему¹⁰³. Такие меры предосторожности были типичны для всех инициатив Витгенштейна, связанных с Россией. Очевидно, он боялся, что контакты с ним могли повредить его русским знакомым.

Д. Моран пишет, что среди лиц, с которыми Витгенштейн познакомился в России, была психолог Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1890–1963). Дружеские отношения между ними, о которых сообщает Д. Моран, свидетельствуют о несомненном интересе Витгенштейна к современному состоянию не только советской философии, но и советской науки как таковой. Н. Н. Ладыгина-Котс была сотрудницей зоопсихической лаборатории при Дарвиновском музее в Москве. Она изучала и сравнивала познавательные возможности детей и человекообразных обезьян. В своих публикациях того времени («Изучение познавательных способностей шимпанзе», «Дитя шимпанзе и дитя человека») она установила, что психические и двигательные реакции ребенка и детенышей шимпанзе очень схожи. Параграф «Философских исследований» свидетельствует о том, что Витгенштейн проявлял большой интерес к сравнительному анализу способностей животных и людей мыслить и выражать свои мысли: «Иногда утверждают: животные не говорят потому, что у них отсутствуют умственные способности. Это равносильно утверждению: “Они не мыслят, поэтому не говорят”. Но они именно не говорят. Или,

¹⁰² L. Hänsel — L. Wittgenstein. Eine Freundschaft. Innsbruck, 1994. S. 310.

¹⁰³ См. об этом: Паскаль Ф. Витгенштейн: личные воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 116–117.

точнее, они не употребляют языка — за исключением его самых примитивных форм»¹⁰⁴. Выводы Витгенштейна находятся в полном соответствии с наблюдениями Н. Ладыгиной-Котс.

К одной из трудноразрешимых загадок биографии Витгенштейна относится вопрос о возможной второй поездке Витгенштейна в Россию в конце 1930-х гг. В письме от 21.6.1937 г. Витгенштейн писал Энгельману: «Сейчас я ненадолго приехал в Англию, может быть, поеду в Россию. Бог знает, что со мной станется»¹⁰⁵. Что — после потери иллюзий относительно России — могло быть причиной столь опасного для жизни желания? Состоялась ли эта поездка? Вопросы остаются открытыми. Д. Моран со слов Т. Н. Горнштейн сообщает, что С. А. Яновская случайно встретила Витгенштейна в Москве в конце 30-х годов. Эта вторая встреча с Витгенштейном действительно могла стать для нее поводом обратиться к Витгенштейну с письмом, на которое он через Ф. Паскаль отвечал в октябре 1937 г.

1937 г. был знаменательным для Витгенштейна. Он начал работать над текстом «Философских исследований». После двух лет молчания он снова продолжил писать свои заметки. Они богаты религиозными размышлениями. Летом 1937 г. (он отсутствовал в Норвегии с мая по сентябрь 1937 г.) Витгенштейн исповедуется своим друзьям. Эти исповеди можно, вероятно, рассматривать как свидетельства подготовки Витгенштейна к важному событию в его жизни, которое он рассматривал как веление долга. Таким событием могла быть вторая поездка в Россию. Среди лиц, которым он исповедовался, была такая незначительная в жизни Витгенштейна фигура, как Ф. Паскаль. Но она была русской, и это обстоятельство могло быть решающим для него в той ситуации.

В 1937 г. М. Бахтин вернулся из ссылки. Июль и август он провел в Ленинграде и Москве. Только Богу известно, встречались ли эти два выдающихся мыслителя. Может быть, это не так уж важно. Думается, что много важнее, чем их личные контакты, несомненная близость их духовных миров независимо от того, что было ее источником.

¹⁰⁴ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 91.*

¹⁰⁵ *Wittgenstein L. Briefe. Frankfurt am Main, 1980. S. 206.*